

с тем и осознанный страх перед одиночеством и бессилием» [2, с. 159]. Человек превращается в автомат, переставая быть собой.

Выводы. Таким образом, Э. Фромм показал, что путь свободы – это естественный путь каждого человека. Вот только проходить он может по-разному, поскольку существуют разные аспекты (или типы) свободы.

Так, рост «свободы от» сопровождается развитием механизмов бегства от свободы, которые в результате своего действия на человека приводят к нивелированию его личности, в дальнейшем не способной к творчеству, гуманности. «Свобода от», развившись и, в конце концов, поглотив собою личность, приводит к рабству, утверждает бессилие, не освобождая от ненавистного одиночества.

Самое страшное состоит в том, что принимая за ориентир «свободу от», человек становится свободен от себя самого, теряя собственное лицо, а вместе с ним, добавим, и душу.

Обретение же подлинной свободы – «свободы для» – возможно для человека лишь в том случае, когда он обретает самого себя, становится самим собой и активно реализует свой внутренний потенциал.

«Свобода от» и «свобода для» – 2 стороны одного феномена, глубочайшего и таинственного по своей сути. И каждому человеку самому предстоит сделать свой собственный свободный выбор, избрав наиболее приемлемый для него жизненный путь, способствующий развитию, самосовершенствованию и активной самореализации.

Перспективы. Данная статья в дальнейшем послужит основанием для анализа социально-философских идей Э. Фромма, не утративших своей актуальности и в наше время.

1. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: АСТ МОСКВА, 2006. – 640 с.
2. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.

Бібліографічні посилання 25.01.11

УДК 130

В. Э. Закревский

Национальная академия педагогических наук Украины (г. Одесса)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ А. КАМЮ, Ж.-П. САРТРА, М. ХАЙДЕГГЕРА

Розкриваються концептуальні версії гуманізму А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера. Показано бачення видатних європейських екзистенціалістів середини двадцятого століття ролі і значення гуманізму як в соціальній практиці, так і в соціальній філософії.

Ключові слова: гуманізм, цінність, вибір, творчість.

Раскрываются концептуальные версии гуманизма А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера. Показано видение выдающихся европейских экзистенциалистов середины двадцатого столетия роли и значения гуманизма как в социальной практике, так и в социальной философии.

Ключевые слова: гуманизм, ценность, выбор, творчество.

In article conceptual versions of humanism of A.Kamus, J.-P.Sartre, M. Heidegger.Disclose vision of outstanding European existentialists of the middle of the twentieth century of a role and value of humanism, as to social practice, and in social philosophy.

Keywords: humanism,value,choice,creativity.

Пролегомена. Вечная тяга к Добру, неизбывная тоска по Прекрасному – неизменный спутник человека, бредущего по пустыне жизни к бездонной пропасти Смерти. Гуманизм — это во все века устремленность к Высшему Благу. Трудная судьба гуманизма в человеческой истории обусловлена недостижимостью того, что может быть только прекрасным сном. Какие бы превратности не постигали гуманизм, он жив и в социальной практике, и в сознании творческой элиты человечества. Не удивительно, что большая часть философских доктрин высшим критерием бытийной истинности любой теории считает человекомерность. Гуманистическим «сверхчеловеческим» содержанием насыщено смысловое поле искусства, литературы, науки.

Personalia. Различным экзистенциально-социологическим и социально-философским аспектам гуманизма посвятили труды отечественные философы: Б. П. Кравцов, И. Р. Ионенко, О. В. Трубинова, В. Ю. Жарких, А. Я. Сенченко, С. Г. Головкин и др.; исследователи ближнего зарубежья: В. Л. Гинзбург, А. В. Сагадеев, С. И. Семенов, В. В. Косарев, М. П. Эпштейн, Г. И. Тульчинский, Л. П. Хоружий, С. С. Жукоцкий, З. Р. Жукоцкая, О. В. Летов, А. Р. Назаретян, Б. Г. Юдин, С. А. Карпова, Е. В. Кашкина, И. К. Мелекаева, Е. В. Решетникова, О. Е. Кульбакина, В. К. Дудышева, Т. И. Чеснокова, П. И. Мильнер-Иринин, О. Ф. Кудрявцев и др.; ученые дальнего зарубежья С. Пулледа, Т. Хирфа, Н. Хомский, Т. Адорно, Ф. Фукуяма, Г. Марсель, Э. Левинаси др. [1–3]. Среди авторов дальнего зарубежья представляется необходимым выделить идеологов либерального социализированного гуманизма, руководителей университетских объединений Т. Абеля, Д. Дьюи, Р. Селарса, Ч. Поттера, У. Флойда.

В широком социально-философском плане *проблема* состоит в установлении зависимости между постмодерном и качественной трансформацией общественных отношений в эпоху постмодерна. *Задача* работы заключается в том, чтобы выявить и определить концептуальную схему гуманизма выдающихся представителей европейского экзистенциализма середины двадцатого столетия – А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, их пригодность для теоретического конструирования интегральной версты гуманизма эпохи постмодерна.

Концептуальные схемы гуманизма А. Камю и Ж.-П. Сартра. Сложна и противоречива историческая судьба гуманизма, в частности, православные ортодоксы относятся к нему весьма настороженно. Противостояние христианства и светского гуманизма усугубляется трансформацией религиозности, ширящейся секуляризацией. Видимо, адекватным ответом на усугубляющийся духовный вакуум стало появление атеистического, светского гуманизма, получившего распространение почти во всех развитых странах мира.

А. Камю не считал себя гуманистом «... в общепринятом смысле этого слова» [2, с. 506]. Контекстуально, по отдельным смысловым контрапунктам можно определить причины неприятия им гуманизма. Прежде всего, это смертная казнь в целом и «обыденность убийства» в частности: «Палачи в обличье гуманистов молчаливо справляют свой культ» [2, с. 506]. Варварские способы исторического процесса – революции, гражданские войны и тому подобное, совершавшиеся, якобы, во имя «всеобщего блага», – всегда заканчивались эшафотами и уничтожением не только собственных сограждан, но и бывших соратников: «... революции пожирают самих себя» [2, с. 511]. Осуждается А. Камю христианство за моральную поддержку войн – массового убийства. В связи с обыденностью подобной бесчеловечной практики жизненное и теоретическое пространство тогдашнего гуманизма было слишком узко для того, чтобы вместить социально-этическую доктрину А. Камю. Для философа, высшей ценностью которого является индивидуальная экзистенция, христианский гуманизм неприемлем, так как источником гуманистической ценностной системы может быть только Человек. В целом, истинным источником гуманизма мог бы стать только Бунт, протестующий против «нечеловеческого» социального порядка, А. Камю считает «... гуманистическую болтовню циничной провокацией» [2, с. 523].

В частности, цивилизационное измерение «негуманности» современного гуманизма, полагает А. Камю, заключается в том, что: «Нынешний гуманизм... лишь усугубляет пропасть между Востоком и Западом» [2, с. 702]. В самом деле, истинный гуманизм – это толерантность к иным типам духовности. Не вдаваясь в качественную оценку разных типов культурных менталитетов, можно говорить только об уровне их взаимной терпимости и принятия. Мера «неприятия» Западом Востока является более ярко выраженной. Как бы скептически не относился А. Камю к современному гуманизму, он все же понимал его историческую роль и значение: «Кажется, мне остается обрести гуманизм. Я, конечно, ничего не имею против гуманизма. Просто он мне тесен, вот и все. Греческая философия, например, отнюдь не исчерпывается гуманизмом. Это была философия всеприемлющая» [2, с. 816].

В «Критике диалектического разума» Ж.-П. Сартр рассмотрел в социально-философском ракурсе такие экзистенциалы антиподы гуманизма, как «тревога», «господство зла», «заброшенность», «отчуждение»: «Действительным человеческим содержанием жизни оказывается ее иррациональное подполье, где позиции социального критицизма и протеста неминуемо перемешаны с позициями

социального нигилизма и отчаяния, антиинтеллектуализма и мифотворчества, а чаще всего самого худшего конформизма» [6, с. 17].

М. К. Мамардашвили справедливо указывает на то, что в условиях интенсивно усложняющейся архитектуры социума, усиления кооперативных форм социальной динамики, человеку становится все труднее проявлять индивидуальное творческое начало, личную социальную начинательность, приносить в общество свой уникальный инновационный потенциал. Весьма проблематичной становится и сама возможность социальной творчества: «... чрезвычайно разрастающаяся... опредмеченная сторона человеческой деятельности...», развились предметно закреплённые силы человеческого общения. Вопрос отношения к ним индивида, о его участии в них, о самостоятельности, активности, стал острой социальной проблемой современного гуманизма» [4, с. 19]. М. К. Мамардашвили указывает также на то, что массовое духовное производство, экзистенциализм пытается мыслить, оставая на защиту суверенных прав и свобод индивидуального человеческого существования с отвагой и мужеством Дон Кихота.

Европейский экзистенциализм середины XX ст. чутко уловил глухое недовольство, сопровождавшее радикальное отчуждение человека от исторического процесса «...настроение индивидуального протеста, разочарование и отчаяние» [2, с. 19]. Гуманистический потенциал экзистенциализма обусловлен «...стихийным ощущением общей человеческой неустроенности в мире до самых примитивных притязаний животной-биологической Я» [3, с. 21]. М. К. Мамардашвили поясняет, что для понимания теоретических положений экзистенциализма существенное значение имеет его направленность на осмысление «...отношения между объективной логикой исторического развития и субъективно-деятельностной структурой поведения личности, характером цельной, живой деятельности (всегда личных и неповторимых) и межличностных контактов активных агентов этого развития» [4, с. 23]. М. К. Мамардашвили отмечает, что, если в человеке вновь открывается его подлинная человечность, то есть способность делать историю, преследуя собственные цели, то тогда мы увидим, что в период отчуждения «нечеловеческое» представляется под видом «человеческого»: «...коллективное забирает себе финальность, характеризующую человеческие отношения» [4, с. 23].

Небольшую работу «Экзистенциализм – это гуманизм» Ж.-П. Сартр «вынужден» был написать, дабы реабилитировать доброе имя этого сверхмодного в то время учения в общественном мнении, сняв с него обвинения в пессимизме, социальном нигилизме. Ж.-П. Сартр поясняет, что ее появление было вызвано мощной волной критики экзистенциализма. В качестве типичных упреков называется социальный неконструктивизм, созерцательность, квиетизм. Также отмечается сосредоточенность экзистенциализма на негативной стороне жизни – «...гнусное, липкое, темное» [7, с. 23].

Выдвигаются обвинения в забвении прекрасного – солидарности людей, уединенной умиротворенности субъекта. Хри-

стиане упрекают экзистенциализм в забвении Заповедей Христовых, ведущего свободно-беспринципного субъекта к моральному произволу. Отвечая на обвинения, Ж.-П. Сартр поясняет, руководствуясь какими соображениями можно считать экзистенциализм гуманизмом: «...под экзистенциализмом мы понимаем такое учение, которое делает возможной человеческую жизнь и которое утверждает, что всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность» [7, с. 5].

Абстрактность данного Ж.-П. Сартром определения экзистенциализма очевидна – оно ничем, по сути, не отличается от незабвенной памяти догматических перлов исторического материализма. Кроме того, в него вкралось логическое несоответствие. Каким бы ни было учение, оно не может быть условием бытия, а всего лишь интеллектуальным феноменом, способным, в лучшем случае, скорректировать, переориентировать процесс жизнедеятельности индивидуального или коллективного субъекта.

Неубедительными выглядят аргументы, приводимые Ж.-П. Сартром на обвинения в непристойности, пессимизме, ссылки на народную мудрость, которая, якобы, насквозь пропитана трагическим мировосприятием. В аргументах, приводимых в целях реабилитации экзистенциализма, утверждается, что это учение предоставляет человеку возможность Выбора. Неужели это так? Разве до возникновения этого учения люди были лишены права выбора себя и мира? Справедливым будет отметить лишь, что на данный феномен субъектной реальности экзистенциализмом было обращено особо пристальное внимание.

Ж.-П. Сартр делает «чистосердечное признание» в аристократичности экзистенциализма: «...это исключительно строгое учение, меньше всего претендующее на скандальную известность, и предназначенное, прежде всего, для специалистов и философов» [7, с. 7]. Ж.-П. Сартр приводит ряд фактов, свидетельствующих о том, что простые люди воспринимают экзистенциализм как нигилизм и непристойность. Тут уж неважно, какой смысл вкладывают в экзистенциализм его адепты. А тот неоспоримый факт, что экзистенциализм либо превратно понимается, либо отвергается нефилософской публикой, в силу личностной незначимости, свидетельствует о его интеллектуальной аристократичности. Ж.-П. Сартр признает это, открыто заявляя, что экзистенциализм – учение не для средних умов, не для широких масс.

Превозносимый до небес «категорический императив» экзистенциализма – существование предшествует сущности – методологически куц. Из того бесспорного и объективного обстоятельства, что явление онтологически ближе субъекту, чем сущности, вытекает ничтожно мало антропологических и гносеологических следствий. Апостериори можно предположить, что смысловым конструктам Истины, Добра, Красоты отказывается в самостоятельном духовно-нравственном статусе. Возможно, такого рода ценности отвергаются экзистенциализмом из-за того, что бывали часто посрамлены историей, и не в последнюю очередь, войнами. Тем не менее, отрицать их гуманную ценность представляется несправедли-

вым. Более того, нигилистическое отношение экзистенциализма к общечеловеческим ценностям, которыми во многом опосредуется жизнедеятельность народа, закрывает дорогу к нему уже и для определенной части «философов-специалистов», что не способствует его развитию и адаптации к современным социальным реалиям.

В самом конце работы «Экзистенциализм – это гуманизм» Ж.-П. Сартр пишет: «Меня упрекали за сам вопрос: является ли экзистенциализм гуманизмом. Мне говорили: «Ведь Вы писали в «Тошноте», что гуманисты неправы, Вы надсмеялись над определенным типом гуманизма, зачем теперь к нему возвращаться?» [7, с. 30]. Действительно, слово «гуманизм» имеет два различных значения. Под первым типом гуманизма Ж.-П. Сартр понимает взаимное пользование благами цивилизации. Творцы научно-технического прогресса, художники, композиторы, писатели даруют миру продукты своего творчества, делая более удобным и оптимальным процесс жизнеобеспечения, насыщая жизненное пространство книгами, картинами, симфониями и тому подобное.

В самом деле, это бесценные дары немногих творцов Нового не творцам – потребителям. Гении и таланты дарят свои произведения всем – и современникам и потомкам. В этом их бескорыстие и гуманизм. Представим, что этой «соли Земли» не было бы вовсе, либо они не творили. Трудно даже вообразить насколько серой и тусклой была бы жизнь без «...звездных часов человечества», без свершений и достижений уникальных одиночек. Для того чтобы делать эти «подарки», творцы-гуманисты сжигают себя на костре вдохновенного труда. По существу они дарят нам свою жизнь, посвященную созданию, того, чего до них не было, а после них становится достоянием всех.

И, хотя данный тип человеколюбия представляется нам каплей в море гуманизма как такового, он не перестает оставаться самим собой. Ж.-П. Сартр прав, утверждая, что некорректно было бы «...оценивать человека по наиболее выдающимся действиям... Такой гуманизм абсурден, ибо только собака или лошадь могли бы дать общую характеристику человеку и заявить, что он паразителен, чего они, кстати, вовсе не собираются делать...» [7, с. 19]. Осуществляемые в последние десятилетия исследования общих ценностей Европы и мира неминуемо выходят на некие синтетические представления о европейском и мировом человеке, и занимаются этим вовсе не «лошади и собаки», а специализированные научные структуры Европейской Комиссии, ООН.

Резкому осуждению подвергается также один из постулатов гуманизма, «...который рассматривает человека как высшую ценность» [4, с. 34]. Когда Ж.-П. Сартр пишет о том, что выбирая, человек выбирает Другого и формирует таким образом определенный тип человечества, он тем самым косвенно утверждает непреходящую и основополагающую ценность Человка вообще.

Ж.-П. Сартр писал: «Экзистенциалист никогда не рассматривает человека как цель, так как человек всегда незавершен. И мы не обязаны думать, что есть какое-то человечество, которому можно поклоняться» [7, с. 35]. На этот категорический тезис хотелось бы

возразить одним лишь напоминанием о том, что мой ребенок, будучи «незавершенным человеком», тем не менее, является для меня сверхценностью. «Кульм человека приводит к замкнутому человечеству, ... замкнутому гуманизму... и стоит сказать, к фашизму», – писал Ж.-П. Сартр [7, с. 36]. Трудно определить, что подразумевает Ж.-П. Сартр под «кульмом человека», но можно предположить, что данное утверждение – сетования человека, прошедшего сквозь ужас войны и потерявшего веру в гуманность массового человека.

Первым принципом экзистенциализма Ж.-П. Сартр объявляет самодетерминацию человека. Весьма гуманно, это хотя бы слегка приоткрывает дверцу, ведущую из «темного царства» субъективности в «светлое будущее» человеческой активности. Второй принцип экзистенциального гуманизма Ж.-П. Сартра заключается в том, что: «... человек не замкнут в себе, а всегда присутствует в человеческом мире... мы напоминаем человеку, что нет другого законодателя, кроме него самого. В заброшенности он будет решать свою судьбу, поскольку мы показываем, что реализовать себя по-человечески он может не путем погружения в самого себя, но в поиске цели вовне» [7, с. 28].

Приведем последний тезис работы Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм»: «... экзистенциализм – это оптимизм, это учение о действии», и попытаемся оспорить его [7, с. 37]. Каков шлейф социальной активности тянется за экзистенциализмом? Конечно же, прежде всего, это философские труды, создаваемые и «потребляемые» внутри достаточно узкого мирового философского бомонда, а также полупрофессиональной богемы. Затем, это художественные произведения адептов экзистенциализма, а также философствующих писателей (М. Пруст и др.). В настоящее время существует экзистенциальная и гуманистическая психотерапия. Определенное воздействие экзистенциализм оказал на социологию искусство, и в самое последнее время, на педагогику. Глобальных переворотов в общественном сознании экзистенциализм не произвел – «не овладел массами».

2. *Якобы гуманизм М. Хайдеггера.* Переходя к рассмотрению экзистенциальной версии гуманизма М. Хайдеггера, необходимо отметить, что он также был поставлен перед необходимостью написать в 1947 г. небольшую работу «Письмо о гуманизме» в ответ на просьбу французского философа Ж. Боффе, обусловленную выходом в свет работы Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм». Ж. Боффе спрашивает М. Хайдеггера: «Каким образом можно возратить какой-то смысл слову «гуманизм?» [1, с. 14]. Вполне возможно, что втайне Ж. Боффе надеялся спровоцировать дискуссию между Ж.-П. Сартром и М. Хайдеггером на актуальную, после самой ужасной в истории войны, тему гуманизма, однако этого не произошло.

Понимание гуманизма, присущее и современной культуре Запада, мыслится Хайдеггером М. как «изобретение» Древнего Рима. *Homohumanitas*, человек человеческий социально-этический конструкт римлян, родившийся как альтернатива *Homobarbarus* – человеку варварскому. Сущностью римского гуманизма была «пайдея» Древней Греции, именовавшаяся римлянами как *institutioinbonasartes* – «...наставление о добрых ис-

кусствах» [1, с. 15]. И коренное отличие «человека-римлянина» от всех не римлян состояло именно в обладании такого рода человечностью.

После мрачного Средневековья гуманизм Древнего Рима снова возродился в эпоху Ренессанса в Италии, но теперь уже в форме борьбы со схоластикой. М. Хайдеггер констатирует: «К гуманизму, в его историографическом понимании, ... всегда относится культивирование человечности» [8, с. 15]. М. Хайдеггер бесосновательно утверждает превосходство немецкой версии гуманизма 18 века, интерпретируя его как «... судьбу человека» [8, с. 16]. Таким образом, истинный гуманизм кроется в глубине онтологии индивида «объективная» гносеология бытия субъекта может, по М. Хайдеггеру, называться высшей истиной человека. Гуманизм, как теория, метафизичен и в том случае, когда он претендует на самостоятельность, и в том случае, когда, исходя из него, создаются некие социальные, теоретико-практические конструкты. В данном тезисе сквозит сермяжная правда, угадываемая по аналогии с современной социально-этической ситуацией жизненного мира планеты.

Трудно спорить с М. Хайдеггером, когда он заявляет, что «... высшие гуманистические определения человеческого существа еще не достигают собственного достоинства человека» [9, с. 23]. Однако это не дает ему права рядиться в тогу теоретического вершителя судеб человечества и осуждать гуманизм за нечеткость философской доктрины и социально-политическую слабость. Да, гуманизм третичен, временами даже эфемерен, но незлыблемо покоится на прочном фундаменте Человеческой Интенции к Благу. М. Хайдеггеру вряд ли удалось обогатить сокровищницу всемирного гуманистического концептуального фонда: «Мысль идет против гуманизма потому, что он ставит *humanitas* человека еще не достаточно высоко» [8, с. 18]. М. Хайдеггер – противник гуманизма как такового: «... мысль «Бытия и времени» противостоит гуманизму» [8, с. 20].

Причина такого негативизма достаточно веская: «Забывание в своей сути истины под напором непродуманного сущего...» [8, с. 21]. Причем, философ предупреждает, что смысл «падения» не следует понимать ни «этико-философски», ни вообще «антропологически», ни секуляритивно, ни экзистенциально: некое «... сущностное отношение человека к бытию, внутри отношения бытия к человеческому обществу... в предварительных рубриках «подлинности» и «неподлинности» [8, с. 22]. Попытка заглянуть «человеческий, слишком человеческий...» гуманизм в прокрустово ложе абстрактно-гносеологических спекуляций представляется нам неоправданной с точки зрения глобальной социальной этики.

Прискорбно, что М. Хайдеггер не опускается до социально-этического, антропологического уровня в философствовании относительно гуманизма. А от многократного и повсеместного утверждения первичности «сущности» и вторичности экзистенции «... во рту сладко не становится», так как рассматриваемое проблемное пространство тонет в плотном тумане немецкого витиеватого теоретизирования: «неразумное» человечество предпочитает спонтан-

но экзистировать, медленно продвигаясь по пути эволюционного освоения почти неприметных оазисов гуманности.

Приходится признать — «пустыня жизни» до сих пор огромна, «территория» гуманности невелика, и, тем не менее, пять с половиной тысяч лет истории можно рассматривать как прогресс человечности. И в каких бы преклонных годах не находилось человечество, гуманизм юн, его расцвет и достойная зрелость еще впереди. Сильны, как смерть, злоба, ненависть, предательство, но над ними простирается Царство Гуманности. И борьба продолжается!

М. Хайдеггер, будучи уверенным в «бездомности» европейского человека, рассуждает о значении таких конструктов, как «Родина», «патриотизм», «национализм», «эгоизм своего народа». Он напоминает, что «...немцы должны свято чтить германское...» [8, с. 18]. Однако после ужасов Второй Мировой войны подобного рода призывы звучат двусмысленно. Германское многозначно — неистовый Барбаросса, дегенерат Шикльгруббер, но это и Г. Гейне, Т. Манн, Г. Гессе. Несмываемое пятно «коричневой чумы» отбросило далеко назад Мировую и в том числе германскую Гуманность. Так что претензии на утверждение какой-то исключительной «немецкости» в плане развития послевоенной Европы, да и всего мира, буквально через два года после войны, выглядят, по меньшей мере, вызывающе. Необходимо также учитывать, что эти заявления делались человеком, отстраненным от руководящей и даже преподавательской работы за сотрудничество с гитлеровским режимом. Германия «духа» в прошлом — теперь мы знаем ее как государство «материи».

Фрагментарен экзистенциально-гуманистический экскурс М. Хайдеггера: «...человек посторонний (бездомный, сосед, пастух), ... человечность человека из близости к бытию..., гуманизм в высшем смысле» [8, с. 15]. Дискретные означающие гуманизма, встречающиеся в «замысловатых» текстах М. Хайдеггера оставляют легкое недоумение и временами даже приводят в оторопь из-за непрестанно терзающего сомнения в том, что понятие не раскрыто надлежащим образом.

Указывая на «...проблематичность существа гуманизма» и даже ставя под сомнение целесообразность употребления этого термина, М. Хайдеггер пишет: «...представляется возможным вернуть слову «гуманизм» бытийно-исторический смысл... Такое возвращение не надо понимать так, будто слово «гуманизм» вообще бессмысленно, что оно пустое колебание воздуха, flatus vois. Humanitas внутри этого слова указывает на humanitas, на существо человека. Таков эпистемологический смысл слова «гуманизм». Вернуть ему смысл — это может означать только одно: определить смысл слова заново. Для этого требуется: во-первых, изначально осмыслить существо человека; во-вторых, показать насколько это существенно» [8, с. 15]. При переводе на русский язык следует понимать так — дохайдеггеровский гуманизм это гносеологический урод, а судьба послехайдеггеровского туманна, поскольку он им занимается серьезно не намерен.

Вывод. Общим в отношении к гуманизму у всех трех рассмотренных известных экзистенциалистов является неприятие этого смысло-

го конструкта в том его виде, каком тот был актуализирован в середине XX ст. Самым оптимистическим выглядит Ж.-П. Сартр попросту объявивший экзистенциализм гуманизмом. Сосредоточенность на социально-личностном негативе (Ж.-П. Сартр), призыв к Бунту (А. Камю), предложение по переопределению понятия (М. Хайдеггер) не могут служить теоретической основой конструирования величественного здания современного гуманизма. По отношению европейского экзистенциализма к гуманизму можно с полным правом утверждать его нейтрально-деструктивную роль. В то же время отдельные позитивные смысловые конструкты экзистенциализма, отмеченные в работе, могут войти в теорию интегрального гуманизма эпохи постмодерна.

Библиографические ссылки

1. **Бюфре Жан.** Диалог с Хайдеггером / Жан Бюфре // Новоевропейская философия : в 4 т. — СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2007. — Т. 2. — С. 4–26.
2. **Камю А.** Изнанка и лицо / А. Камю. — М. : ЗАО Изд-во «ЭКСМО-Пресс»; Харьков : Изд-во «Фолио», 1998. — 864 с.
3. **Кудрявцев О. Ф.** Ренессанс как гуманизм и утопия / О. Ф. Кудрявцев. — М. : Наука, 1991. — 288 с.
4. **Мамардашвили М. К.** Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра / М. Мамардашвили // Современный экзистенциализм: критические очерки. — М. : Наука, 1996. — С. 149–204.
5. **Мильнер-Иринин П. И.** Этика или принципы истинной человечности / П. И. Мильнер-Иринин. — М. : Наука, 2004. — 520 с.
6. **Сартр Ж.-П.** Критика диалектического разума. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. — М. : Республика, 2000. — 639 с.
7. **Сартр Ж.-П.** Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр. — М. : Наука, 1953. — 42 с.
8. **Хайдеггер М.** Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Бытие и время. — М. : Ад Маргинем, 1997. — 452 с.
9. **Чеснокова Т.** Пост-человек. От неандертальца к киборгу / Т. Чеснокова. — М. : Алгоритм, 2008. — 367 с.

Надійшла до редколегії 19.01.11

УДК 165.74

Д. А. Иванченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ДЖОНОМ ДЬЮИ

Розглядається інтерпретація історії філософії з позиції філософії американського прагматизму. Висвітлюється історико-філософська складова теорії